

Оглавление

История сексуальной культуры в русской дореволюционной науке
(вместо предисловия) 8

Глава I (Пушкарева Н. Л.)

**Сексуальная культура допетровской России:
от греха к «удовольствию» (XI–XVII вв.) 19**

Глава II (Белова А. В.)

**Интимная жизнь русских дворянок
в XVIII — середине XIX века 57**

Контролируемая сексуальность: матери и дочери в российских
дворянских семьях в XVIII — середине XIX века 57

Девичество как этап жизненного цикла российских дворянок 57

Восприятие детства в контексте отношений матери и дочери:
соотношение материнской любви и власти матери 66

Сложности отделения от матери в период девичества: материнский
контроль за сексуальностью и социальное бессилие дочери 69

Конфликт идентичностей при переходе к «зрелости» дочери:
обретенная и обретаемая сексуальность
как пространство взаимных угроз 85

Контроль над женской сексуальностью в период взросления 92

Механизм социального конструирования гендера
в период девичества в контексте отношений
матери и дочери: выводы 112

Отчужденная сексуальность: сексуальная жизнь
замужних дворянок в XVIII — середине XIX века 114

Обретенная сексуальность: сексуальная жизнь
российских дворянок в XVIII — середине XIX века после брака . . . 173

Глава III (Мицюк Н. А.)

Сексуальная социализация и половое воспитание девочек в дворянских семьях во второй половине XIX — начале XX века	199
Сексуальная инфантильность девочек	202
Практики «обожания» девочек-подростков	224
Девичьи представления о супружестве, семейной жизни и материнстве	239
«Революция» в женском сексуальном просвещении и поведении в начале XX века	259

Глава IV (Пушкарева Н. Л.)

«Мы не удовлетворены, потому что мы идеалисты...»: отношение к теме сексуального в среде революционеров-демократов XIX века	270

Глава V (Пушкарева Н. Л.)

Позорящие наказания за сексуальную несдержанность в русской деревне в XIX — начале XX века	281
«Прохудившиеся»: позорящие наказания для девушек в традиционной русской культуре XIX — начала XX века	282
«Несоблюдихи»: позорящие наказания замужних женщин за сексуальную несдержанность в конце XIX — начале XX века	294

Глава VI (Мицюк Н. А.)

Рационализация сексуальности: медицинский, публицистический и феминистский дискурсы	310
Сокращение числа деторождений. Концепт «свободного материнства»	310
Повышение брачного возраста и сокращение числа деторождений в семьях горожан	312
Концепт «свободного материнства» в феминистском и медицинском дискурсах	320
Зарождение социалистической концепции материнства	338
Отказ от деторождения	343
Практики контроля над рождаемостью: аборт и контрацепция	352
Список сокращений	416
Примечания	418
Именной указатель (сост. Ольга Познизова)	488

История сексуальной культуры в русской дореволюционной науке

вместо предисловия

Прошлое обладает реальностью. Но можем ли мы познать его, воссоздав, реконструировав? Проникнуть в мир чувств и переживаний человека ушедшего времени, к чему призывают специалисты по «истории частной жизни»? Ведь люди отдаленных эпох—как понимают теперь не только антропологи, историки, этнопсихологи, но и обычные современные читатели Дж. Фрезера, К. Леви-Стросса, М. Фуко—были гораздо больше похожи на нас внешне, чем внутренне. А внутренне—по способу познания и существования, по системе ценностей и особенностям чувствования—разительно, кардинально отличались. Приблизиться к их пониманию можно, а вот до конца понять...

Стоит ли пытаться? Ведь у историков нет непосредственного контакта с фактами, они имеют дело с источниками, в которых факты уже «отягощены» истолкованием авторов и составителей текстов. Сомнения историков, основанные на отсутствии действительно «чистых» фактов, давно уже озвучены—еще в конце позапрошлого века известный французский исследователь считал, что в прошлом «ничего нет, кроме исписанной бумаги»¹. Эта мысль варьируется и сегодня: «тексты, тексты, ничего, кроме текстов!», «история—это не то, что случилось, это всего лишь то, что рассказывают нам историки»². Написавший последние строки Джулиан Барнс очертил историю так: «Перед нами—гобелен, поток событий, сложное повествование, связанное, необъяснимое... Она больше напоминает хаотический коллаж, краски на который наносятся скорее малярным валиком,

нежели беличьей кистью... История мира? Всего только... легенды, старые легенды, которые иногда только как будто перекликаются, причудливые отзвуки, нелепые связи...» Однако именно из легенд и мифов складывается *традиция*, которая наряду с *историческими остатками* (документами) способна многое рассказать исследователю. Не только подшивки газет, тома дипломатической переписки, мемуары или судебные дела, отложившиеся в архивах, способны рассказать об умонастроениях каждой эпохи, но и запримеченные бытописателями и зафиксированные ими черты повседневного быта, порою нелепые (с точки зрения современного человека!) поверия, детали ритуалов и обрядов — короче, все то, что так интересовало этнологов, социальных антропологов, фольклористов буквально с начала возникновения их наук.

Современному исследователю любопытно и важно знать, как воспринимались те или иные явления в прошлом, как интерпретировалась *традиция*, «обрастая» при этом теоретическими построениями, порождая уже не бытовые, но научные знания, убеждения, а зачастую и новые мифы. История всегда существовала как бы в двух измерениях: с одной стороны, как некое объективное знание о прошлом (раскапыванием которого как раз и занимались профессиональные исследователи прошлого) и, с другой стороны, как некий коллективный миф, в котором отобразились идеалы и воплощения низкого и высокого, прекрасного и безобразного, героического и трагического. Изучение этих коллективных мифов, в том числе участия ученых в научном мифотворчестве, и составляет изучение *традиции*.

В этой традиции — много верного и точного, проверенного и доказанного. Иногда в старых научных книгах можно найти гениальные догадки и интерпретации, полузабытые, но необычайно важные именно сегодня. Порой такие находки заставляют современного исследователя проблемы (если он честен перед самим собой) смущенно вспомнить, что он — отнюдь не пионер в своей области знания, но стоит на «плечах гигантов» — многих и многих предшественников, своими трудами сделавших возможным создание и кажущегося абсолютно

новым направления, и фактической основы его разработок. Без собранных когда-то фактов не может быть теоретического рывка — и в этом смысле тоже старые научные труды таят в себе немало открытий...

Однако довольно часто обращение к истории науки порождает сложную цепочку новых исследовательских проблем. Не секрет, что нередко научные мифы рождаются и воспроизводятся не только по причине недостатка информации и несовершенства методов ее обработки и анализа. Подчас они возникают и под воздействием направленных устремлений записывающих их ученых, умышленно или, чаще, неумышленно (под влиянием как личных, так и социальных факторов) искажающих почерпнутую ими информацию. Казалось бы, в силу потери достоверности сообщенной в таких трудах информации они теряют свою значимость. Именно эти причины — в частности, умышленные искажения, связанные с классовой принадлежностью ученых («дворянский историк», «буржуазный исследователь») — лежали в основе непризнания и забвения многих работ и поднятых в них тем в советской историографии.

Лишь в последние годы, в связи с изменением приоритетов в гуманитарном знании и превращением его в «антропологически ориентированное», вместе с постмодернистской терпимостью и интересом к изучению разных трактовок и интерпретаций, отношение к трудам, написанным на заре развития науки, стало очевидно меняться. Обнаружилось, что старые научные труды — это ценнейший источник по истории ментальностей, идей, господствующих в общественном сознании, и идей маргинальных, вытесняемых на обочину идеологий и мировоззрений. Отход от марксистской прямолинейности в оценке процессов развития общественного сознания помог выяснить, что «болезни неточности» возникают не только под влиянием недостатка квалификации, поспешности, ослабления внимания, доверия к собственным знаниям и способности их оценить, неконтролируемой игры воображения, но и (главное!) — под воздействием господствующих «научных» и «уже давно доказанных» выводов, преодолевать которые необычайно сложно,

потому что они основаны... на здравом смысле, а он, в свою очередь, на очевидном и потому не требующем специального исследования.

Выяснить, в какой мере это «доказанное», эти предпосылки давили на исследователя, насколько он был самостоятелен или зависим от них, — задача не из легких. Тем более что старая наука — труды ученых XIX — начала XX века — была, казалась бы, более ориентирована на сбор фактов, а не на их истолкование. Из «пяти вопросов науки» — что (как), где, когда, откуда и почему — самым «нелюбимым» оказывается именно последний (почему?)³. Но чтобы понять те или иные скрупулезно описанные процессы, нужно по крайней мере выявить те полузабытые научные труды, которые многим кажутся уже давно устаревшими.

Напомню также, что обращение к истории науки позволяет проследить логику исследования любой темы, ход мыслей автора — для того чтобы не повторять ее и избежать ошибок предшественника или же, наоборот, повторить верный и точный путь и тем самым углубить полученное много лет назад знание. Так или иначе, работа по генерализации собранного много лет назад материала — не только необходимое условие для современных научных разработок, но и путь к осмыслению механизмов формирования научных теорий и обоснованных «наукой» идеологических установок.

Если же абстрагироваться от оценочной стороны старых трудов, то они могут оказаться ценнейшим «вторичным источником» о различных явлениях. Именно в них можно найти ссылки на еще более раннюю литературу, только в них обнаружить описания, которых уже не найти в тех или иных не дошедших до современности книгах и публикациях иного рода. Все это позволяет увидеть в истории науки отнюдь не склад старых и ненужных изданий, но живой источник знаний — как об описанных в них явлениях, так и по истории общественной мысли того времени, когда велась научно-исследовательская работа и было опубликовано то или иное научное сочинение.

Именно с таким, критическим по сути, но уважительным отношением к историографической традиции должны в идеале

брать старые журналы и сборники, книги и брошюры исследователи постмодернистской эпохи.

* * *

В изучении отечественного прошлого есть немало тем, которые были в какое-то время весьма обсуждаемыми, а потом исчезали из круга исследовательских интересов. Причина этого ясна: историю, как никакую другую науку, все время стремились представить как *magistra vitae* (учительницу жизни, воспитательницу), то есть поставить на службу идеологии и политике. Поэтому абсолютно любую тему в исследовании прошлого можно было рассмотреть как «удобную» или «неудобную» для них.

История сексуальной культуры с самого начала формирования советской исторической науки оказалась в числе «неудобных». Даже в короткий период живого интереса к «половому вопросу» — то есть в 1920-е годы, совпавшие с общей либерализацией публичного дискурса*, — научное изучение истории формирования русской сексуальной культуры было подменено идеологической трескотней вокруг темы репродуктивного здоровья и права общества и государства контролировать частную жизнь своих граждан⁴. Идиография (описание особенностей)** сексуальной культуры русских оказалась вне внимания «серьезной» науки, надолго отправившей подобную тематику из области гуманитарного знания — в медицину***.

* Связь между либерализацией тем публичных обсуждений, в том числе и вопросов пола, с эпохами революционных потрясений была замечена даже классиками марксизма, попытавшимися поставить науку на службу идеологии. См.: *Энгельс Ф. Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 7.*

** Термин «идиография» появился как конструктивное объединение лексем «идиома» (греч. — особенность) и «графо» (греч. — пишу) в работах германских философов достаточно давно. См.: *Anderle O. Theoretische Geschichte // Historische Zeitschrift. 1958. Hf. 1. S. 28).*

*** Об интимности как области радикальной реорганизации межличностных связей и переориентации современных исследований сексуальности см.: *Козлова Н. Н. Гендер и вхождение в модерн // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 172–173.*

Новый всплеск интереса к изучению истории русской сексуальной культуры, как полагают современные социологи⁵, относится к концу 1980-х годов, поскольку первые попытки обращения к этой теме в эпоху общественной стагнации оказались обречены на неудачу (известному российскому социологу, работы которого имеют международную известность, в настоящий момент возглавляющему Санкт-Петербургский филиал ИСИ РАН С. И. Голоду, бывшему четыре десятилетия назад аспирантом, попросту не дали защитить подготовленную диссертацию; и единственным свидетельством проделанного им тогда труда являются несколько статей и автореферат работы, так и не вынесенной на обсуждение⁶). Не удивительно, что обращения к ранее «запретной» теме первыми сделали философы⁷: они старались касаться этого вопроса в очень общем ключе, не приводить конкретных фактов и не оперировать ими. Первым отечественным исследованием по общим вопросам сексологии стала работа И. С. Кона «Введение в сексологию»⁸, революционный характер которой трудно переоценить. Именно И. С. Кону первому из российских ученых удалось показать становление сексологии как междисциплинарной области знания, раскрыть биологические, социальные, этнокультурные и психологические закономерности сексуального поведения. Он опирался в своих выводах главным образом на зарубежную литературу. Существенно расширив эмпирическую основу, в последней своей книге о русской сексуальной культуре⁹ тот же автор выделил общие исторические тенденции развития этой важнейшей части отечественной культуры. Однако по сей день несколько в тени и, в известном смысле, в безвестности остаются работы первых российских ученых, обративших внимание на различные аспекты истории сексуальности и тем самым проявивших решительность и немалое мужество при выборе данной проблематики для своего исследования.

Речь об ученых XIX—начала XX века—историках, филологах, этнологах, правоведах, врачах. Распространенное сейчас в повседневном обиходе представление о «сексе» связывает с ним чувственное наслаждение в акте телесного общения

полов и связанный с ним круг чувств, стремлений и идей. Ученые XIX столетия практически не касались собственно этого аспекта (истории чувственного наслаждения), не использовали термина «секс» и обозначали предмет своего исследования через слова «пол», «чувственная страсть», реже — «любовь», а еще чаще — «непотребство». Стоит напомнить, что лишь в 1802 году «последний летописец» и один из первых и виднейших русских сентименталистов Н. М. Карамзин записал, что в русском языке появилось «новое слово — влюбленность»¹⁰.

Сексуальность в понимании русских ученых XIX — начала XX века была слабо отделена от репродукции. Образование семей связывалось тогда с хозяйственной или родовой целесообразностью, что предполагало возникновение определенного круга прав и обязанностей, порожденных возникающими социальными и существующими биологическими связями. Не удивительно, что в текстах собранных в данном томе работ мало кто из ученых пытался рассуждать об индивидуальном влечении (любви) мужчин и женщин, их индивидуальных самоощущениях и самочувствиях. Сексуально-эротическая мотивация индивидуального поведения всячески вуалировалась и приглушалась самими же учеными, описывавшими те или иные стороны сексуального поведения своих современников. Хотя исследователи и не отрицали впрямую необходимость легитимации чувственности, все же они не были свободны от воздействия постулатов православной доктрины со всей ее асексуальностью, выступавшей против всего, что создавало чувственное наслаждение, сводившей все богатство сексуальных переживаний индивида к репродуктивной биологии. Потому-то в отношении истории русской сексуальной морали XIX — начала XX века так трудно понять, какие ценности преваляли в самосознании самих ученых, изучавших сексуальное поведение, потому так нелегко разграничить их (ученых) повседневные (бытовые) установки и те нормы, которые они должны были утверждать своими исследованиями. Нормы эти вынужденно соответствовали официальной морали того времени, иначе бы данные научные труды могли просто не миновать цензурных препон.

Видение сексуальности сквозь призму задач регуляции репродуктивного поведения, устойчивый гетеронормативизм* и отрицание нормальности гомосексуальных отношений, жестко негативное отношение к расширению возрастных рамок сексуальной активности, особенно к ранним сексуальным дебютам, мастурбации — все это отвечало общему уровню развития не только российской, но и западноевропейской медицинской и научно-гуманитарной мысли того времени. Если кто-либо из общественных деятелей или ученых того времени и мог выступать с позиций феминизма в вопросе о допущении женщин к высшему образованию или профессиональной деятельности, то в вопросах, связанных с сексуальной сферой, те же сторонники женской эмансипации подчас проявляли себя как сторонники традиционного распределения гендерных ролей и во вполне традиционалистском, патриархатном духе рассуждали о «греховности» или «нравственности» тех или иных проявлений сексуального поведения. Это детерминировало и место истории сексуальности в кругу исследовательских проблем — как правило, даже изучение добрачной и внебрачной сексуальной активности строилось вокруг тем, связанных с анализом изменений в брачно-семейных отношениях, и увязывалось с вопросами популяции/депопуляции.

Особенно это заметно по работам этнологов, которые смотрели на сексуальные отношения в крестьянских семьях глазами самих крестьян, натуралистические же представления последних были мало совместимы с романтической образностью. По словам Ф. Гиляровского, «зачатия и рождения» в народной среде происходили «по аналогии с животными»¹¹, а дочь выдающегося русского путешественника О. П. Семенова-Тянь-Шанская увязывала «сожителства» с... сытостью и голодом, но никак не индивидуальными эротическими переживаниями¹². Чтение некоторых из работ ученых XIX века, рисовавших картины сексуальной жизни «простого народа», потрясает: они писали свои труды бесстрастной рукой ученых, честно рисуя

* Гетеронормативизм — признание гетеросексуальных отношений единственно нормальными.

современные им картины безо всяких прикрас. И картины эти — неантропоморфны, пугающе бесчеловечны, а посему враз излечивают от идеализации полуторавекового прошлого и сетований о деревенском быте, «который мы потеряли». Люди того времени предстают грубыми и чуждыми нам, сегодняшним, по эмоциональной окраске их переживаний*.

Тем не менее выстроенные в тематическом и хронологическом порядке публикации исследователей «истории чувств» XIX — начала XX века позволяют все же догадаться, какими путями сексуальность медленно и постепенно, но все же отделялась от репродукции, становясь средством эмансипации, областью широкой эмоциональной реорганизации личной, частной жизни. Русская исследовательская традиция в этом смысле развивалась практически в одном русле с европейской: от фиксации тех или иных фактов ученые постепенно переходили к их критическому осмыслению и размышлениям о значимости этой части культуры в общей картине эмансипации и индивидуализации чувственной сферы.

Борьба с репрессивной сексуальной моралью включила к середине XIX века критику буржуазного брака, требование освобождения женщины (поначалу «половой вопрос» был именно вопросом об эмансипации женщины), да и само право ученых обращать исследовательское внимание к отчетливо социальным темам, связанным с сексуальным поведением, таким как сексуальность и брак, сексуальность и бедность, сексуальность и преступность, сексуальность и способы контролирования рождаемости, сексуальность и охрана общественного здоровья, а к концу XIX века — сексуальность и коммерция.

Индивидуализация и плюрализация стилей жизни, конструирувавшие новое, буржуазное общество, меняли и множили формы социального контроля за сексуальностью. Отмена крепостного права в 1861 году внесла свои коррективы

* Так, например, описанные этнографами картины наказаний женщинам за прелюбодеяние, когда привязанных к телеге, вымазанных дегтем и вываленных в пуху и перьях голых женщин мужики водили по деревне, нашли отражение в художественной литературе. См.: Горький А. М. Вывод // Горький А. М. Собр. соч. в 4 т. М., 1978.

в образ жизни российского населения как в центре, так и в провинции. То, что считалось вполне допустимым для представителей привилегированных слоев в их отношениях с крепостной челядью и не считалось развратом (сексуальный произвол и насилие в отношении зависимых людей), довольно быстро и подчас неожиданно для представителей «образованного сословия» обрело свою цену и стоимость в домах терпимости. Рост числа последних повлек за собой бурные общественные дискуссии о том, как расценивать такое социальное явление, как проституция, какой видеть «продажную женщину» — олицетворением разврата или же жертвой бедности и социальной несправедливости, Сонечкой Мармеладовой (эту, вторую точку зрения выражает позиция известного юриста А.И. Елистратова, чьи работы приведены в сборнике). Любопытно, что в оценках проституции как социального явления уже тогда проступали гендерные различия ученых и исследователей. Так, известная российская феминистка М.И. Покровская, чьи работы по вопросу о медико-полицейском надзоре над проститутками имели огромный общественный резонанс, настаивала на весьма экстравагантном способе борьбы с этой «социальной язвой». Считая главной причиной распространения проституции сексуальную распущенность мужчин из «высоких слоев общества», она рекомендовала обратить серьезное внимание на их перевоспитание и ориентацию на недопустимость сексуальных отношений до брака и, когда он заключен, вне его.

Резко возросшая социальная и географическая мобильность населения, в том числе развитие отходничества, нарушала «старые добрые порядки»: женатые мужчины оказывались по долгу оторванными от семьи, «соломенные вдовы» заводили себе параллельные семьи. Все эти социальные реалии также требовали правовой регламентации, поэтому и вопросы, связанные с правом женщины на аборт, производством контрацептивов, планированием и ограничением рождаемости, тема борьбы с венерическими заболеваниями оказались в центре обсуждения журналистами и юристами рубежа XIX–XX веков. Интимность становилась областью радикальной реорганизации

межличностных связей, что гомологично процессу демократизации публичной сферы.

Трансформации интимности всегда оказывали преобразующее влияние на социальные институты. На данном этапе сексуальность практически отделена от репродукции... Она должна рассматриваться как особая область культуры, средство освобождения (эмансипации), широкой эмоциональной реорганизации личной, частной жизни.